

ГЛАВА 1

Я часто вспоминаю то утро, когда пришло первое анонимное письмо.

Его принесли перед завтраком. Я лениво перевернул его, как это делают, когда время течет медленно и любое событие приобретает значение. Это было, как я обнаружил, «местное» письмо с отпечатанным на машинке адресом. Я вскрыл его первым, отложив пару писем с лондонскими штемпелями, поскольку в одном из них явно был счет, а на другом я узнал почерк одной из моих наискучнейших кузин.

Теперь странно вспоминать, что Джоанну и меня это письмо только развлекло. У нас и мысли не возникло, что с ним придут кровь и насилие, недоверие и страх.

Просто невозможно связать такого рода вещи с Лимстоком.

Я вижу, я неверно начал. Я не объяснил, что такое Лимсток.

После авиакатастрофы, в которую я угодил, долгое время я был уверен, вопреки утешительным словам врачей и сиделок, что приговорен к тому, чтобы всю оставшуюся жизнь провести в инвалидной коляске. Но в конце концов меня извлекли из гипса, и я начал осторожно учиться пользоваться своим телом, а затем Маркус Кент, мой врач, хлоп-

6 нул меня по спине и заявил, что все в порядке, но я должен поехать в деревню и по крайней мере полгода вести растительную жизнь.

— Найдите такую часть света, где у вас нет никаких друзей. Удержите от всего, интересуйтесь местной политикой, деревенскими сплетнями, поглощайте все местные скандалы. И немножко пива — вот предписание для вас. Абсолютный покой и тишина.

Покой и тишина! Смешно об этом думать теперь. Итак, Лимсток — и вилла «Литтл Фюрц».

Лимсток был большим городом во времена завоевания норманнов. В двадцатом же веке это было место незначительное во всех отношениях. Лимсток расположился в трех милях от железнодорожной магистрали — крохотный провинциальный городок, почти деревня, в котором часто устраивались базары; городок, окруженный бесконечными вересковыми пустошами. Вилла «Литтл Фюрц» располагалась на холме, у дороги, уходящей в вереск. Это был чопорный, унылый дом с покосившейся викторианской верандой блекло-зеленого цвета.

Моя сестра Джоанна, едва завидя его, решила, что это идеальное место для выздоравливающего. Владелица дома была под стать ему — очаровательная маленькая старая леди, невообразимо викторианская. Она объяснила Джоанне, что ей бы и не приснилось такое — сдавать дом, но все так изменилось в нынешние времена... И эти ужасные налоги!

Итак, все было улажено, и договор подписан, и должным образом Джоанна и я прибыли и обосновались в доме. Сама же мисс Эмили Бэртон

перебралась в Лимсток, в комнаты, которые содержала ее бывшая горничная («моя преданная Флоренс»), оставив нас под присмотром нынешней горничной мисс Бэртон — Патридж, мрачной, но весьма квалифицированной личности, которой помогала приходящая «девушка».

Через несколько дней после того, как мы поселились в «Литтл Фюрц», Лимсток начал наносить торжественные визиты. Каждый в Лимстоке имел какой-то свой отличительный признак, и все семьи выглядели «вполне счастливыми», как сказала Джоанна. Это были: мистер Симмингтон, адвокат, тонкий и сухой, с раздражительной, любящей бридж женой; доктор Гриффитс, мрачный, меланхолический врач, и его сестра — большая и радушная; викарий, образованный, забывчивый пожилой человек, и его жена — с энергичным лицом и блуждающим взглядом; богатый дилетант мистер Пай из виллы «Прайорз Лодж»; и, наконец, мисс Эмили Бэртон собственной персоной, безупречная деревенская старая дева.

Джоанна дотрагивалась до карт с чем-то похожим на благоговейный трепет.

— Я не знала, — как-то сказала она голосом, полным непонимания, — что есть люди, которые действительно приходят *в гости*, чтобы играть *в карты!*

— Это потому, — объяснил я, — что ты ничего не знаешь о деревне.

Моя сестра Джоанна очень хорошенькая и очень веселая, она обожает танцы и коктейли, любовные романы и гонки на скоростных автомобилях. Она — законченная горожанка.

8 — Во всяком случае, — заявила Джоанна, — я смотрюсь в деревне неплохо.

Я критически оглядел ее и не счел возможным согласиться.

— Нет, — сказал я, — ты одета неправильно. Ты должна носить старую причудливую твидовую юбку с хорошеньким кашемировым джемпером, подобрал их под пару... но, может быть, предпочтительнее мешковатое вязаное пальто... И ты должна надеть фетровую шляпу и толстые чулки, и еще — старые, хорошо разношенные уличные ботинки. И лицо у тебя неправильное, — добавил я.

— Что в нем неправильного?! Я наложила «деревенский тон номер два»!

— Вот именно, — сказал я. — А если бы ты жила здесь, ты бы лишь чуть-чуть пудрилась, не высовывая носа на солнце, и ты, конечно же, носила бы свои брови целиком, вместо того чтобы оставлять от них четверть.

Джоанна рассмеялась и сказала, что переезд в деревню обещает новые впечатления и она намерена всем наслаждаться.

— Боюсь, ты будешь ужасно скучать, — предположил я, испытывая угрызения совести.

— Нет, не буду. Я сыта по горло всеми моими компаниями, и хотя ты не желаешь мне сочувствовать, я действительно была очень огорчена из-за Пауля. Теперь у меня будет время все забыть.

Я отнесся к сказанному скептически. Любовные истории Джоанны всегда двигались по одному и тому же пути. Она влюблялась сумасшедшим образом в какого-нибудь совершенно бесхарактерного молодого человека, непризнанного гения. Она вы-

слушивала его бесконечные жалобы и делала все, чтобы его заметили. Затем, когда он оказывался неблагодарным, она бывала глубоко ранена и утверждала, что ее сердце разбито, — до тех пор, пока не появлялся очередной унылый молодой человек, что обычно случалось неделки через три.

Я не слишком серьезно относился к разбитому сердцу Джоанны, но видел, что жизнь в деревне — нечто вроде новой забавы для моей милой сестры. Она с интересом предалась веселой игре в нанесение визитов. Мы должным порядком получали приглашения на чай и бридж, принимали их и рассылали ответные приглашения.

Для нас обоих все это было как увлекательная книга — совершенно новая книга!

И, как я уже сказал, когда пришло анонимное письмо, оно всего лишь позабавило меня.

Вскрыв письмо, я минуту или две пребывал в недоумении. Печатные слова, вырезанные из книги и наклеенные на лист бумаги...

В письме в довольно грубых выражениях сообщалось мнение отправителя насчет того, что мы с Джоанной не были братом и сестрой.

— Эй, что это такое? — спросила Джоанна.

— Это очень грязное анонимное письмо, — ответил я.

Я ощутил легкую душевную боль. Кто бы предположил, что подобное может случиться в тихом болоте Лимстока?

Джоанна мгновенно проявила живейший интерес:

— Да ну? И что в этом письме говорится?

Должен заметить, что в романах анонимные письма — грубые, внушающие отвращение — по

10 возможности не показывают дамам. Подразумевается, что дам следует во что бы то ни стало защитить от потрясения, в которое подобное письмо повергнет их нежную нервную систему.

Очень жаль, но я должен сказать, что мне бы и в голову не пришло скрыть письмо от Джоанны. Я немедленно протянул ей лист.

Джоанна подтвердила мою веру в нее тем, что не проявила никаких чувств, кроме веселого удивления.

— Какая жуткая гадость! Я слыхала об анонимных письмах, но мне никогда не приходилось их видеть. Они что, все такие?

— Не могу сказать, — ответил я. — Для меня это тоже впервые.

Джоанна захихикала.

— Похоже, ты был прав, говоря о моей косметике, Джерри. Наверное, они тут решили, что я просто обязана быть распутной женщиной!

— К тому же, — сказал я, — нужно учесть тот факт, что наш отец был высоким смуглым человеком с длинным худым лицом, а наша матушка — очаровательное маленькое создание, голубоглазое, с прекрасными волосами, и что я похож на отца, а ты — на маму.

Джоанна задумчиво кивнула.

— Да, мы ничуть не похожи. Никто и не подумает, что мы брат и сестра.

— Кто-то и не подумал, — сказал я с чувством.

Джоанна заявила, что она считает все это просто забавным. Она помахала письмом, держа его осторожно за уголок, и спросила, что мы с *этим* сделаем.

— Я полагаю, будет наиболее верным, — предложил я, — сунуть его в огонь, энергично выразив свое отвращение.

Я подкрепил свои слова действием, и Джоанна заплодировала.

— Ты это проделал великолепно, — сказала она. — Тебе просто необходимо пойти на сцену. Какое счастье, что у нас все еще есть огонь, правда?

— Корзинка для бумаг не была бы столь драматична, — согласился я. — Хотя, конечно, я мог поджечь листок спичкой и понаблюдать, как он медленно сгорает.

— Когда тебе нужно что-то сжечь, оно ни за что не загорается, — сказала Джоанна. — Оно гаснет. Тебе наверняка пришлось бы чиркать спичку за спичкой.

Она встала и подошла к окну. Потом, стоя там, вдруг резко обернулась.

— Удивляюсь, — сказала она, — кто мог написать такое?

— Вероятно, мы никогда этого не узнаем, — предположил я.

— Я тоже так думаю. — Она помолчала немного и продолжила: — И тем не менее, не знаю уж почему, мне все это кажется забавным. Видишь ли, я думала, они... я думала, нас здесь полюбят.

— Так оно и есть, — сказал я. — Просто тут живет какой-то наполовину свихнувшийся тип.

— Надеюсь, что это так. Фу, гадко!

Джоанна ушла наружу, на солнышко, а я, закуривая положенную после завтрака сигарету, решил, что сестра права. Это действительно гадко. Кого-то возмутил наш приезд сюда... кого-то возмутила юная, яркая красота Джоанны... кто-то хотел при-

12 чинить боль. Возможно, лучшим выходом было по смеяться над всем этим.

Тем утром к нам зашел доктор Гриффитс. Я договорился с ним о еженедельных осмотрах. Мне нравился Оуэн Гриффитс. Он был смуглый, нескладный, с неловкими манерами и мягкими, искусными руками. Говорил он отрывисто и был слегка застенчив:

— Вы не хуже чувствуете себя сегодня, а? Или это мое воображение, или с утра на вас немножко действует погода.

— Не то, — сказал я. — Вместе с утренним кофе пришло довольно грубое анонимное письмо, и оно оставило достаточно гадкий привкус во рту.

Доктор уронил свой портфель на пол. На его тощем, темном лице отразилось возбуждение.

— Вы хотите сказать, что и *вы* получили одно из них?

Я заинтересовался:

— А что, здесь такое случается?

— Да. С некоторых пор.

— О, — сказал я, — понятно. А я-то решил, что лишь присутствие столь странных личностей, как мы, вызвало чье-то негодование.

— Нет-нет, ваш приезд ни при чем. Это просто... — Он помолчал и спросил: — О чем там говорилось? По крайней мере... — Он внезапно покраснел и смутился. — Возможно, я не должен был спрашивать?

— Я с удовольствием отвечу вам, — сказал я. — Там всего лишь сообщалось, что экстравагантная девица, которую я привез с собой, вовсе мне не сестра. И это, добавлю, кратчайшее изложение.

Смутное лицо доктора налилось гневом.

— Проклятье! Ваша сестра... надеюсь, она не слишком расстроилась?

— Джоанна, — пояснил я, — не очень-то похожа на ангелочка с рождественской елки, она более чем современна и достаточно крепка. Она нашла это в высшей степени забавным. Ей не приходилось прежде сталкиваться с чем-либо подобным.

— Да уж надеюсь, что не приходилось, — сказал Гриффитс.

— И в любом случае, — сказал я уверенно, — здесь ничего не остается, кроме как посмеяться. Как над чем-то чрезвычайно нелепым!

— Да, — сказал Оуэн Гриффитс, — всего лишь... Он замолчал, и я быстро подхватил:

— Совершенно верно. Всего лишь слова.

— Беда в том, — сказал он, — что такого рода вещи, однажды начавшись, сами по себе не заканчиваются.

— Могу вообразить.

— Безусловно, это патология.

Я кивнул.

— У вас есть какие-нибудь соображения об авторе? — спросил я.

— Нет, лишь желание узнать. Видите ли, причин к сочинению анонимных писем может быть две. Если это единичное письмо — отправленное одному человеку или группе лиц, — то можно сказать, что оно мотивировано. То есть его написал некто, имеющий причины для недовольства (или полагающий, что имеет) и выбирающий грязный, тайный путь к проявлению этого недовольства. Это дурно, и это вызывает отвращение, но такой человек не

14 обязательно сумасшедший, и обычно довольно легко определить автора — уволенный слуга, ревнивая женщина и так далее. Но если это не единичный случай, а принцип действия личности, то это уже куда серьезнее. Письма рассылаются беспорядочно, и они служат одной цели — заменить какие-то разрушенные надежды в воображении пишущего. Как я уже сказал, это, безусловно, патология. И безумие прогрессирует. В конце концов, конечно, автора анонимок выследят и поймают (часто это, кстати, оказывается человек, о котором просто невозможно подумать подобное), и тем все и кончится. Был подобный инцидент, на другом конце графства, в прошлом году — когда уволили заведующую отделом дамских шляп в большом универмаге. Тихая, изысканная женщина, работала там много лет. Я припоминаю несколько случаев и из моей практики. Но это были несчастные, озлобленные, уволенные люди. Однако, как я сказал, я уже видывал подобное, и это, совершенно искренне, пугает меня!

— И давно это продолжается? — спросил я.

— Не знаю точно. Безусловно, это трудно определить, потому что люди, получившие подобные письма, не рекламируют этот факт. Они бросают письма в огонь.

Он помолчал.

— Я тоже получил одно. И Симмингтон, адвокат. И один или двое из моих небогатых пациентов говорили мне об этом.

— И все письма похожи одно на другое?

— О да. Во всех повторяется одна и та же тема секса, это их обычная черта. — Он усмехнулся. — Симмингтона обвинили в преступных отношениях

с его служащей, бедной мисс Гинч. А ей по меньшей мере сорок, она носит пенсне, и зубы у нее, как у кролика. Меня обвинили в нарушении профессиональной этики в отношениях с пациентками и усердно налегали на подробности. Эти письма весьма инфантильны и абсурдны, но жутко язвительны. — Лицо доктора стало серьезным. — И тем не менее я *напуган*. Такие вещи могут быть *ужасны*, знаете ли.

— Полагаю, что действительно могут.

— Понимаете, — сказал он, — хотя письма грубы и полны детской злобы, рано или поздно *одно из них может попасть в цель*. А тогда — бог знает что может случиться! И еще я боюсь влияния анонимок на неповоротливые, подозрительные, невоспитанные умы. Ведь когда они видят нечто *написанным*, они верят, что это правда. Тут возможны любые осложнения.

— Это было малограмотное письмо, надо сказать, — заметил я задумчиво. — Сочиненное кем-то практически необразованным.

— Так ли это? — сказал Оуэн и ушел.

Раздумывая позже обо всем этом, я нашел докторское «так ли это?» несколько тревожащим.

Я не намерен утверждать, что наша анонимка не оставила гадкого привкуса во рту. Это было. Но в то же время — она скоро забылась. Видите ли, в тот момент я не отнесся к письму всерьез. Думаю, я внушил себе, что подобное случается нередко в глухих провинциальных городках. Причиной тому — истеричные женщины, склонные все драматизировать. Во всяком случае, если все анонимки такие же детские и глупые, как та, что получили мы, вряд ли они принесут много вреда.